

Р. И. ЯШИНА (Ижевск)

ИЗУЧЕНИЕ СИНТАКСИСА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Отдельные заметки по удмуртскому синтаксису встречаются уже в дореволюционных трудах по удмуртскому языку.¹

Первой теоретической работой по синтаксису удмуртского языка советского времени стала книга К. М. Баушева «Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка» (Москва—Ленинград 1929), где автор впервые рассматривает не только простые предложения, но описывает сложные, отмечая, что многие из них содержат предикативные части, соединенные служебными словами, одновременно выполняющими и функцию частиц. Эта мысль была позже развита в других работах по синтаксису сложного предложения.

Интересные наблюдения над синтаксисом удмуртского языка содержит грамматика С. П. Жуйкова.²

Синтаксис как особый раздел с определением предмета выделяется в книге И. В. Яковлева «Удмурт кырадъян», Ижевск 1930 (Элементарная грамматика вотского языка). Здесь приводятся сведения по фонетике, морфологии и синтаксису. В разделе синтаксиса отмечается характер соединения слов в предложении, специфические черты удмуртского предложения. Свои положения автор иллюстрирует интересными примерами из живой разговорной речи, обращает внимание на лаконичность и точность удмуртских предложений. Одна из глав названа «Удмуртский язык любит краткое предложение» (стр. 73). В этой работе впервые рассматриваются некоторые способы передачи чужой речи. Интересна попытка И. В. Яковлева разработать свою удмуртскую терминологию по фонетике и грамматике.

В 1940—1950-е годы изучались порядок слов в простом предложении, некоторые специфические отглагольные конструкции удмуртского языка, обособление, способы выражения сравнительных отношений в удмуртском языке и т. д. Порядку слов в простом предложении удмуртского языка посвящены работы М. Н. Булычева³ и Т. Г. Гавриловой.⁴

В первой ценен фактический материал, иллюстрирующий разное местоположение членов предложения, но слабы теоретические обоснования схем расположения как главных, так и второстепенных членов. Порядок слов в предложении автор слабо связывает с актуальным членением и интонированием предложения в процессе речи, не пытается раскрыть стилистическую роль мены порядка слов в простых предложениях. В статье Т. Г. Гавриловой вопрос о порядке слов связан с выяснением его грамматической, смысловой и стилистической функций. Автор указывает на некоторые причины изменения структуры предложения, отмечает случаи сохранения традицион-

¹ См. например: F. J. Wiedemann, *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakischen-deutschen und deutschen-wotjakischen Wörterbuche*, Reval 1851.

² С. П. Жуйков, *Основы грамматики удмуртского языка. Тезисы к Первой республиканской языковой конференции*, Ижевск 1937.

³ М. Н. Булычев, *Порядок слов в удмуртском простом предложении*, Ижевск 1947.

⁴ Т. Г. Гаврилова, *Порядок слов в удмуртском простом повествовательном предложении*. — *Записки УдНИИ*, вып. 21, Ижевск 1970, стр. 107—118.

ного порядка слов. Положительно в ее работе четкое определение факторов, влияющих на изменение порядка слов в предложении. Однако Т. Г. Гаврилова ограничилась анализом повествовательных предложений, оставив в стороне другие интонационные типы простых предложений и совершенно не коснувшись сложных.

Интересные работы о безличных глаголах, безличных предложениях и удмуртских деепричастных конструкциях опубликовал в разное время В. И. Алатырев⁵, обратив внимание на двусубъектность предложений с некоторыми деепричастными оборотами, на их способность передавать сложные суждения. Однако некоторые положения автор аргументирует неубедительно, в частности о том, что субъектные деепричастные конструкции представляют собой особый вид придаточных предложений, способность деепричастных конструкций содержать вводные слова, междометия и даже другие предложения. Ведь этой же способностью обладают и бессубъектные деепричастные обороты и даже простые распространенные члены предложения. Сама мысль о способности многих отглагольных образований выражать суждение в работе В. И. Алатырева интересна и рациональна, но его трактовка наводит на мысль о пересмотре определения сложного предложения, вернее, о расширении этого понятия.

Некоторые вопросы теории словосочетания рассматриваются в статьях В. М. Вахрушева: «Изафетные конструкции в удмуртском языке» (— Записки УдНИИ, вып. 21, Ижевск 1970, стр. 78—106); «Субстантивные словосочетания в удмуртском языке и влияние на их структуру русских словосочетаний» (— Всесоюзная конференция по финно-угроведению, Сыктывкар 1965, стр. 26—29). В первой работе дан основательный анализ словосочетаний, компоненты которых связаны между собой особым видом подчинительной связи — изафетом. В работе четко выдерживается классификация словосочетаний, выражающих принадлежностные отношения.

Плодотворно изучал удмуртский синтаксис П. Н. Перевошиков.⁶ Основное внимание он уделил именно тем конструкциям, которые составляют специфику удмуртского языка и представляют собой наиболее продуктивные типы синтаксических образований. Мы имеем в виду его работы: «О некоторых синтаксических конструкциях в удмуртском языке» (— ВЯ 1952, № 6, стр. 103—119), «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» (Ижевск 1959). Последняя представляет собой капитальный труд о наиболее распространенных формах и синтаксических единицах удмуртского языка в историческом освещении. Он изучал и сложные предложения удмуртского языка.

Детальному анализу синтаксических функций именной формы на *-эз*, *-ыз* в пермских языках посвящена кандидатская диссертация А. А. Поздеевой «Синтаксические функции именных форм на *-эз* и *-ыз* в пермских языках» (Ленинград 1948).

Темой кандидатской диссертации В. Г. Калашниковой были «Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении)» (О ее диссертационной работе подробнее см. нашу рецензию в СФУ XI 1975, стр. 155—158). Автор дает типологию сложных предложений, а также подробно описывает семантические и структурные особенности сложносочиненных предложений в удмуртском языке. Новым в ее работе является установление точных функций сочинительных союзов, перечисление случаев взаимозаменяемости некоторых из них и случаев невозможности замены.

Отдельным синтаксическим вопросам посвящены работы Л. И. Калининой (Субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции в удмуртском языке. — Вопросы советского финно-угроведения. Языковедение, Саранск 1972, стр. 92—93), Р. И. Яшиной (Сравнительные конструкции в удмуртском языке, Ижевск 1963; К вопросу о формах связи компонентов в предикативных сочетаниях удмуртского языка. — Вопросы удмуртского языковедения, вып. 3, Ижевск 1975, стр. 228—235). Однако

⁵ В. И. Алатырев, О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке. — Записки УдНИИ, вып. 10, Ижевск 1941, стр. 3—18; его же. Субъектная деепричастная конструкция и ее происхождение. — Вопросы финно-угорского языковедения, вып. IV, Ижевск 1967, стр. 53—68.

⁶ П. Н. Перевошиков, Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке, Ижевск 1939.

почти все перечисленные работы носят описательно-аналитический характер, написаны они в стиле традиционного языкознания.

Лишь в последнее время сделана попытка включить элементы структурального анализа в рассмотрение вопросов удмуртского синтаксиса. Имеются в виду работа В. В. Поздеева «Синтаксическая характеристика удмуртских глаголов» (— СФУ IX 1973, стр. 261—272) и основанная на экспериментальных данных работа Д. И. Четвертных «Интонационные контуры некоторых повествовательных и вопросительных предложений в удмуртском языке» (— 200 лет удмуртской письменности, Ижевск 1976, стр. 126—134).

Результатом многолетней работы коллектива авторов стала публикация второй и третьей частей нормативной научной грамматики удмуртского языка, которые представляют собой обобщенное и систематизированное освещение современных синтаксических норм удмуртского языка, относящихся как к простому, так и к сложному предложениям.⁷

Обе книги содержат анализ всех наиболее типичных синтаксических единиц удмуртского языка, однако далеко не все темы рассмотрены одинаково полно и глубоко, особенно в «Синтаксисе простого предложения» (в дальнейшем: «Синтаксис-1»). В теоретическом отношении более удачны разделы «Подлежащее», «Сказуемое», «Однородные члены предложения». Этим темам уделено и больше внимания: «Подлежащее» — 65 стр., «Сказуемое» — 53 стр., «Однородные члены предложения» — 17 стр., тогда как словосочетания занимают лишь 15 стр. Поскольку последняя тема наиболее актуальна, хотелось бы видеть более разностороннее освещение ее. Прежде всего в работе недостаточно глубоко раскрывается само понятие словосочетания. Автор раздела ограничился следующим определением: «Словосочетание — предикативная связь двух и более слов, соединенных по смыслу и грамматически» (стр. 6). Оно неточно и неполно, ведь словосочетание — это линейная синтаксическая единица (а не сама связь), представляющая собой семантическое и грамматическое соединение двух и более полнозначных (знаменательных) слов (а не просто слов) и сложное (но расчлененное) наименование предметов, явлений, процессов и т. д.

В «Грамматике» приводятся не все различия между компонентами подчинительных словосочетаний, обойден вопрос о различиях между связью слов в словосочетании и в предложении, тогда как в последних работах по проблемам синтаксиса эти типы связи рассматриваются дифференцированно.⁸

В указанном разделе не раскрывается полностью и понятие сочинительной связи и сочинительных словосочетаний, хотя вполне правомерно признать отнесение их к словосочетаниям (стр. 7—8). Виды сочинительной связи дифференцированно также не рассматриваются, между тем известно, что и в удмуртском языке она может быть открытой и замкнутой. Ср., например: *Лъбмпуос, кызьпуос, лулпуос будо Чупчи шур кузя* 'Черемухи, березы, ольхи растут вдоль реки Чепцы'. Перечисление *лъбмпуос, кызьпуос, лулпуос* представляет собой открытый ряд слов, и количество компонентов сочинительного словосочетания потенциально может быть увеличено. *Кызы ке дышетӥсьёс, озьы ик пиналӥс субботникын мыльсь-кыдысь ужазы* 'Как учителя, так и ребята на субботнике работали с душой'. Здесь можно вычленил сочинительное словосочетание замкнутого типа, в нем число компонентов не может быть увеличено. К сожалению, эти и подобные явления в книге не рассматриваются.

В «Синтаксисе-1» по-старому (как согласование) трактуется и связь между главными членами предложения (компонентами предикативного сочетания), что приводит к смешению понятий разных планов. Чтобы подчеркнуть специфику связи между подлежащим и глагольным сказуемым, уместнее было бы употребить термин *координация*.

Под заглавием «Типы предложений (по цели высказывания)» дается общая клас-

⁷ Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970; Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения, Ижевск 1974.

⁸ См. например: Н. С. Валгина, Синтаксис современного русского языка, Москва 1973, стр. 51—58.

сификация предложений, а не только по цели высказывания, причем критерии разноплановой классификации полностью не перечисляются (стр. 23—24).

Весьма поверхностно рассмотрены в книге повествовательные предложения, по содержанию они тоже не классифицируются. Известно, что и в удмуртском языке повествовательные предложения могут быть разделены на собственно повествовательные, описательные и информационные.

Интонация повествовательных, вопросительных и побудительных предложений характеризуется лишь описательно и поверхностно, без применения графических знаков и схем. Хотя в целом вопрос о побудительных предложениях разработан детально.

К существенным недостаткам «Синтаксиса-1» следует отнести и отсутствие в нем рассмотрения порядка слов в предложении, обусловленности словоупотребления речевой актуализацией или контекстом, без чего в современной лингвистике учение о предложении не может быть полным и точным. Не затрагивается и вопрос о стилистически нейтральном и стилистически значимом порядке слов.

В анализируемой части «Синтаксиса» встречаются объяснения синтаксических категорий с опорой лишь на их логическое содержание, тогда как они должны иметь собственно лингвистическую интерпретацию. Так, определение квалифицируется как «второстепенный член предложения, характеризующий предмет со стороны его качества, свойства, количества, порядка и принадлежности, а также отношения к другим предметам» (стр. 157). В основу определения положено лишь значение этого второстепенного члена.

Не затронут в «Грамматике» и вопрос о морфологизованных и неморфологизованных второстепенных членах предложения. Между тем известно, что существуют типичные способы выражения второстепенных членов предложения, свойственные их синтаксической и морфологической природе, и нетипичные, но определяемые их морфолого-синтаксической природой. «Ядро каждого второстепенного члена предложения составляют такие члены предложения, синтаксическая функция которых соотносительна с их морфологическим выражением».⁹

Некоторые положения об определении и обстоятельстве иллюстрируются лишь словосочетаниями, что в принципе вряд ли можно считать верным, да и в целом вопрос о соотношении словосочетаний и второстепенных членов предложения в «Грамматике» также не нашел отражения (см. стр. 157—158).

Среди частей речи, выполняющих функцию определения, названы и количественные числительные, с чем также трудно согласиться (стр. 160). В иллюстративных примерах они явно входят в состав дополнений и обстоятельств, например: *Кылйд-а, Толи, мыным со дас книга сётэ* 'Слышишь, Толя, он мне дает десять книг'; *Кык нунал ветлйзы кунос городьсь заводъёстй, стройкаостй* 'Два дня посещали гости заводы и стройки города'.

Вопрос о значениях и способах выражения дополнений и обстоятельств раскрывается достаточно убедительно и подробно.

В разделе «Типы односоставных предложений», разработанном весьма обстоятельно, к сожалению, вскрывается тоже логический подход при определении отдельных типов односоставных предложений. Вот, что сказано, например, о номинативных предложениях: «В данном отрывке (приводятся выше иллюстративные примеры) слова *гужем* и *чюкна* (лето и утро) выражают каждое в отдельности относительно законченные мысли» (стр. 184). Небрежной представляется и следующая формулировка: «В распространенных предложениях главный член поясняется дополнительными словами» (стр. 185). Что значат дополнительные слова? Они ведь могут быть второстепенными членами, могут и не быть ими.

«Синтаксис-1» в основном содержит добротный иллюстративный материал. Предложения взяты или из известных произведений художественной литературы или периодической печати. Но все-таки отдельные темы иллюстрируются небрежно, например, «Типы предложений по цели высказывания», «Подлежащее», «Сказуемое», «Определение». Примеры здесь преимущественно взяты из альманаха «Кизили» и журнала

⁹ Н. С. Валгина, указ. раб., стр. 110.

«Молот», к тому же сомнительна их паспортизация: создается впечатление, что многие примеры придуманы самим автором.

В «Синтаксисе-1» совсем не освещены вопросы, касающиеся стилистической дифференциации всех видов простых предложений. Впрочем причина этого может быть признана объективной: вопросы синтаксической стилистики в удмуртском языкознании еще не разработаны.

Вторая книга грамматики «Синтаксис сложного предложения» (в дальнейшем «Синтаксис-2») посвящена анализу всех типов сложных предложений и предложений с обособленными членами, а также рассмотрению способов передачи чужой речи.

Положительным следует признать тот факт, что сложные предложения классифицируются на основе структурно-семантического принципа. Наиболее четко, на наш взгляд, разработана система сложносочиненных предложений, неплохо проанализированы сложноподчиненные предложения с придаточными цели, уступительными, образа действия, меры и количества и степени.

К сожалению, и в этой книге встретились существенные недочеты.

Среди сложносочиненных предложений с сопоставительно-противительными отношениями не упомянуты сложные образования, компоненты которых связаны при помощи *со понна* 'зато' и *однако*. В таких предложениях вторая предикативная часть всегда строго фиксируется в постпозиции и выражает возмещение или результат, противоположный ожидаемому, например: *Дунне вылын Сеня кадьёс туж уно ни быремын, со понна со зёч нимёс өвёл али вунэмын* 'На свете уже много погибших, как Сеня, зато их добрые имена сейчас не забыты'; *Солэн «зеч» ужгёсыз сярьсь трос вераскызы ни собранин но, однако али но пайдаез өвёл* 'О его «хороших» делах немало говорили уже и на собрании, но пользы от этого нет'.

В разделе «Сложносочиненные предложения» не отражен вопрос о порядке следования их частей. Нужно было бы установить, в каких конструкциях наблюдается строго фиксированный порядок, а в каких — подвижный (т. е. предикативные части можно переставлять); при этом неплохо было бы дать им стилистическую характеристику. Заметим, что последовательного и полного стилистического анализа всех типов сложных предложений мы не находим и в «Синтаксисе-2», хотя разработка некоторых тем и содержит указания на большую или меньшую употребительность тех или иных конструкций в разных функциональных стилях.

В разделе «Сложноподчиненные предложения» не выделены группы предложений с расчлененной и нерасчлененной структурой, без этого классификация их по характеру смысловых отношений выглядит поверхностно.

У некоторых придаточных предложений указаны не все структурно-семантические разновидности. Например, среди сложноподчиненных предложений с придаточными причины не оказались таких конструкций, придаточные части которых соединяются при помощи частицы *угось* 'ведь' и вводного слова *пе* 'де, дескать', хотя об употреблении сложных предложений с модальными и вводными словами говорится в начале книги (стр. 4). Названные сложноподчиненные предложения встречаются и в произведениях удмуртской литературы и в периодической печати, например: ... *шултэм куараезлэсь [Ледор] утыр ачиз кышка, шултэм куара шоры... белдойёс потозы угось* '... между тем [Федор] сам боится своего свиста, ведь на его голос могут... беглые выйти'; *Аранзэс кустетй карызы сотской но десятникъёс, суббота но арня нуналэ ужаны сьёлык, пе* 'Их жатву прервали сотский и десятники, дескать, в субботу и в воскресенье работать грех'.

На полноту и разносторонность анализа не может претендовать и глава о предложениях с обособленными членами, написанная автором этих строк, поскольку все эти (и другие) вопросы предварительно требовали более глубоких, монографических исследований.

Именно недостаточной разработанностью многих проблем удмуртского синтаксиса объясняются указанные и не упомянутые здесь недостатки «Граматики».

Тем не менее выход в свет труда по синтаксису удмуртского языка говорит о значительном достижении удмуртской синтаксической науки. Эти книги по синтаксису

наглядно показали, какие вопросы сейчас особенно остро нуждаются в детальном рассмотрении.

Перед удмуртскими синтаксистами в дальнейшем стоит задача дать более полную типологическую характеристику синтаксическим явлениям, на основе экспериментальных данных проанализировать многие вопросы, связанные с актуальным членением и интонированием удмуртских предложений, дать полный анализ удмуртским словосочетаниям с выделением их групп по типологическим характеристикам. Назрела необходимость рассмотреть все типы сложноподчиненных, бессоюзных и многочленных сложных предложений как в синхронном, так и в диахронном планах.

В удмуртском языкознании еще не разработана синтаксическая стилистика. Для этого необходимо тщательное изучение языка и стиля писателей, становления и развития удмуртского литературного языка, т. е. создания самостоятельной науки — истории удмуртского литературного языка.

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ НОВОГО РЕФЕРАТИВНОГО ЖУРНАЛА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

С 1973 г. Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР издает несколько серий ежеквартального реферативного журнала (РЖ) под названием «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом» с целью систематического ознакомления научных работников, преподавателей высших учебных заведений, широких кругов советской интеллигенции с наиболее значительными трудами по общественным наукам, выходящими в СССР и за рубежом. Одна из серий РЖ — «Языкознание» — посвящена реферированию трудов советских и зарубежных лингвистов.¹

Издание данной серии призвано регулярно информировать широкие круги советской и зарубежной лингвистической общественности о богатстве и многообразии творческих подходов в исследовании языковедческих проблем, разрабатывающихся в нашей стране², а также давать своевременное изложение теоретических положений, содержащихся в новых работах зарубежных лингвистов, знакомить советских языковедов с конкретными достижениями в интерпретации фактов различных языков. Эти достижения, — как подчеркивается в редакционной статье РЖ, — могут быть использованы в исследовательской практике советских ученых, которые должны давать им соответствующую оценку.³

Расположение материала в серии носит проблемный характер. Вначале идут разделы, посвященные методологическим проблемам языкознания, затем следуют материалы по уровням языка. В пределах каждого раздела в зависимости от количества материала выделяются отраслевые рубрики и подрубрики. Поскольку реальное наполнение этих рубрик зависит от поступления литературы, то их состав по выпускам не всегда равновелик. В рубрике или подрубрике рефераты группируются по близости тематики.

Приведем содержание одного из последних номеров РЖ «Языкознание» (1976, № 1):

I. История и современное состояние языкознания.

II. Общее языкознание. 1. Теоретические проблемы и отдельные методы. 2. Сравнительно-историческое языкознание.

¹ Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам. Общественные науки в СССР. РЖ. Реферативный журнал. Серия 6. Языкознание. (Индекс: РЖ 1, индекс серии 1.6). Общественные науки за рубежом. РЖ. Реферативный журнал. Серия 6. Языкознание. (Индекс: РЖ 2, индекс серии 2.6). Москва 1973—

² От редакции. — Общественные науки в СССР. РЖ. Серия VIII. Языкознание. Москва 1973, № 1, стр. 13.

³ См.: От редакции. — Общественные науки за рубежом. РЖ. Серия VIII. Языкознание. Москва 1973, № 1, стр. 11.